

Лян Сюань готов был поклясться чем угодно: Шэнь Гумин только что выдал чистое «о-жи-ба-кэй»...

Да-да, то самое интернет-сленговое «ojbk».

Неужто главный герой романа о бессмертных в древних декорациях настолько продвинулся, что начал изъясняться современными сокращениями? Ну и ну, моё почтение. Интересно, автор этого чтива вообще хотя бы среднюю школу окончил?

Постойте-ка. А ведь есть и другой вариант: вдруг этот парень — такой же попаданец, как и он сам?

Стоило этой мысли промелькнуть в голове, как Лян Сюань уставился на юношу со столь сложным выражением лица, будто перед ним сидел какой-то невиданный мутант.

— С чего это ты вдруг заговорил такими словами?

— Вы про «о-жи-ба-кэй»? — Шэнь Гумин проигнорировал его ошеломлённый взгляд и невозмутимо ответил: — Так я же от вас, уважаемый предшественник, набрался.

Лян Сюань озадаченно изогнул бровь:

— Чего-чего?

— Ну, вы сами как-то раз обронили это словечко, — принялся терпеливо объяснять Шэнь Гумин. — Я и рассудил, что оно означает «всё схвачено» или «без проблем». Неужели ошибся и ляпнул невпопад?

Лян Сюань застыл в замешательстве, разрываясь между сомнением и верой.

«Неужели и правда с языка сорвалось? — засомневался он. — Что-то память подводит...»

Впрочем, взглянув на совершенно невозмутимое лицо собеседника, Лян Сюань решил не забивать себе голову. Склероз у него развивался давно и стремительно, удивляться тут нечему. Да и будь этот юный бессмертный тоже трансмигрантом, зачем ему разыгрывать этот спектакль и врать?

В конце концов, кто откажется от товарища по несчастью, с которым можно разделить тяготы местной драмы? К тому же главный герой — это же ходячая динамо-машина, средоточие всей мировой энергии. Такое тело просто физически невозможно захватить какому-нибудь пришлому духу.

Словно не желая больше задерживаться на этой теме, Шэнь Гумин сгорал от нетерпения:

— Дорогой учитель, ну когда мы уже выдвигаемся?

«Опять он за своё сюсюканье взялся, — усмехнулся про себя Лян Сюань. — Что ж, раз тебе так нравится ломать комедию, давай подыграю».

Он запрыгнул в свой любимый гроб, устроился поудобнее и, прежде чем задвинуть крышку, гостеприимно похлопал по краю:

— Твой наставник — натура утончённая, ранимая, к свежему воздуху непривычная, да и к вопросам жизни и смерти относится философски. Не хочешь забраться ко мне, поболтать? А то давай приляжем рядышком, поспим?

Шэнь Гумин весь так и просиял:

— Вы согласны взять меня в ученики?! Да если вы не против, я готов хоть спать с вами в одном гробу!

Лян Сюань расплылся в коварной ухмылке, выдав себя с потрохами:

— Хе-хе, глупый мальчик. Знал бы ты, какой сон я имею в виду, улепётывал бы отсюда сверкая пятками.

— Что? — растерялся юноша.

Лян Сюань лишь отмахнулся, не собираясь просвещать невинное дитя. Он закрыл глаза, растянулся на спине и сосредоточился. Духовная энергия зациркулировала по меридианам, и его сознание начало мягко отделяться от плоти.

Спустя мгновение из гроба медленно поднялся полупрозрачный белый силуэт. Перемахнув длинной ногой через край, разделенное сознание Лян Сюаня подошло вплотную к онемевшему от изумления Шэнь Гумину и преспокойно принялось делать утреннюю разминку.

Юноша только и смог выдавить:

— Э-э...

«Он что, действительно дурачок?» — промелькнуло у него в голове.

Освоившись, разделенное сознание уплотнилось, обретая осязаемую форму. Теперь Лян Сюань

ничем не отличался от себя прежнего — всё та же совершенная, захватывающая дух красота.

Поскольку Лян Сюань отправлялся на поиски, а не на войну с чудовищами, для защиты ему вполне хватало Павлиньего пера. Перед уходом он решил отдать меч Цанлань Шэнь Гумину.

Парень поначалу отнекивался, но Лян Сюань осадил его вопросом:

— И чем ты собрался воевать? Кулаками тигров на южных горах укладывать или пинками драконов в океане гонять?

Даже для благородного главного героя подобное упрямство казалось непроходимой глупостью. В итоге Шэнь Гумин сдался, принял оружие и торжественно пообещал вернуть реликвию сразу, как только они покинут тайное царство.

Путь предстоял неблизкий. Покинув долину, странный отряд из двух человек и одной птицы не стал прибегать к полётам на мечях. Времени у них хватало, однако пеший переход обещал быть утомительным.

К тому же Шэнь Гумин привык путешествовать с комфортом, как изнеженный барчук в паланкине. Не прошло и полдня, как он выбился из сил и жалобно затынул:

— Дорогой учите-ель...

Но стоило Лян Сюаню предостерегающе кашлянуть, как инспирированный инстинктом самосохранения юноша мгновенно исправился:

— То есть... почтенный предшественник! А почему мы не летим на мечях? Вы ведь и в прошлый раз, когда тащили меня в эту глушь, тоже шли пешком?

Хотя тогда он находился в беспамятстве, сквозь сон его не покидало смутное ощущение, что они не поднимались в воздух.

Ответ Лян Сюаня был краток и суров:

— Я высоты боюсь.

Шэнь Гумин промолчал, но про себя подумал, что более нелепой отмазки в жизни не слышал.

Впрочем, раз спутник не желал откровенничать, расспрашивать дальше было бессмысленно.

Некоторое время они шли молча, под аккомпанемент птичьего щебета. Спустившись к

подножию горы, Лян Сюань взглянул на юного бессмертного: тот, несмотря на морозную зимнюю стужу, взмок от пота, но продолжал упрямо шагать, стиснув зубы. Мысленно похвалив себя за безграничное великодушие, Лян Сюань решил нанять повозку.

Местный извозчик, уже отчаявшийся найти седоков, оживился и поспешил навстречу потенциальным клиентам. Однако стоило ему подойти ближе и рассмотреть лицо Лян Сюаня, как бедняга застыл на месте, словно под гипнозом.

Тёмные волосы незнакомца были небрежно заколоты ледяной шпилькой, утончённые, невероятно красивые черты лица сочетались с кожей столь бледной, что она казалась почти прозрачной. Он походил на диковинный цветок, распустившийся среди вечной мерзлоты и закалённый суровыми метелями. Одной этой неземной внешности хватало, чтобы лишить любого покоя и разума.

Возница хлопал глазами добрых несколько минут, а когда наваждение наконец спало, ни таинственного красавца, ни его собственной лошади с повозкой и след простыл.

Сначала в голове извозчика пронеслось:

«Мать моя женщина, ну и силища красоты у мужика!»

Следом пришла другая догадка:

«Погоди-ка... Неужто этот неземной красавец — сам Вэйцы-цзюнь?!»

И наконец до него дошло:

«Да чтоб тебя! Этот хвалёный праведник угнал мою телегу средь бела дня?!»

Обосновавшись в карете, Шэнь Гумин с любопытством поинтересовался:

— У вас что, непреодолимая тяга к конокрадству?

Удивительно, как человек с лицом чистого, не знающего земных грехов небожителя умудрялся проворачивать грабежи и угоны с такой непревзойдённой наглостью.

— Пф, — усмехнулся Лян Сюань. — Я не только повозки угонять умею. При желании могу и человека умыкнуть.

— Это как же? — не понял намёка юноша.

Сквозь открытое окно ворвался лёгкий порыв ветра, занеся в салон нежный цветочный лепесток, который опустился на висок Лян Сюаня. Тот повернул голову и мягко улыбнулся — и в этот миг было трудно сказать, кто прелестнее: расцветающий бутон или сам мужчина.

— Сердце украсть, глупый, — вкрадчиво прошептал он.

Он словно совершенно не осознавал силы собственной привлекательности. Его хрипловатый, бархатистый голос зазвучал с такой вкрадчивой интонацией, что внутри у собеседника невольно всё перевернулось.

Когда их взгляды встретились, Шэнь Гумин поспешно отвернулся, пряча смущение. Он машинально коснулся шеи, чувствуя, как горло сдавило от необъяснимой сухости.

Решив, что его маленькая провокация удалась, а неокрепшая психика главного героя дала трещину, Лян Сюань остался крайне доволен собой. Весь оставшийся путь он весело напевал под нос дурацкий мотивчик, пока в его голове роились абсолютно безумные мысли:

«До чего же этот мелкий бессмертный забавный! Будет возможность — надо бы затащить его в постель. Перепихнуться с ним разок перед смертью — и можно со спокойной душой отправляться на тот свет, ха-ха-ха...»

Угнанная кляча, конечно, уступала породистым скакунам, но четыре ноги в любом случае несли быстрее двух. Из-под копыт летели брызги талого снега, и уже через пару дней путники добрались до Башни Древнего зеркала.

Величественная пагода уходила шпилем прямо в облака, приковывая к себе взгляды ещё издалека. На заснеженной равнине перед ней копошилась огромная пёстрая толпа — судя по всему, ведущие ордены отнеслись к испытанию в тайном царстве со всей серьёзностью.

От некогда великих столпов мира заклинателей — Цинсяо-цзун, Секты Сюаньюй, Павильона Циюй, Долины радостных кошмаров, Храма Десяти тысяч Будд и горы Линси — уцелели лишь четыре силы. Кто-то проигнорировал сбор по своей воле, а иные и рады бы явиться, да уже никогда не смогут.

С гибелью двух повелителей демонов, Тан Ци и Бай Цзю, Долина радостных кошмаров прекратила своё существование.

Что же касается секты Сюаньюй, их прежний глава Лу Могуй погиб от чужих рук ещё столетие назад, после чего былая слава ордена покатила под откос.

Нынешний предводитель ордена, Юань Цяньчао, приходился Лян Сюаню ровесником. По меркам бессмертных сто с небольшим лет — возраст младенческий, а поскольку он практиковал тёмный путь, злые языки то и дело честили его «зелёным юнцом» и

«нечестивцем», невзирая на истинное могущество. По этой же причине глава Цинсяо-цзун, Почтенный Хуачэнь, откровенно презирал его и никогда не упускал случая вставить палки в колёса.

В своё время Юань Цяньчао принял вызов на дружеский поединок перед лицом сотен благородных сект, но Пэй Таньцзы избил его до полусмерти. Харкая кровью на арене, побеждённый не вынес позора и в порыве уязвлённого самолюбия увёл всю секту Сюаньюй на сторону зла.

Поступок казался безрассудным и капризным, однако Юань Цяньчао превыше всего ценил репутацию. Пэй Таньцзы растоптал его гордость на глазах у всех, так что радикальный раскол со светлыми орденами удивления ни у кого не вызывал.

Натянув поводья под раскидистым деревом на обочине, Лян Сюань не спешил слезать на землю. Из толпы впереди доносились яростные крики. Устроившись поудобнее на холке лошади, он решил сначала понаблюдать за бесплатным зрелищем.

Возмутителем спокойствия оказался не кто иной, как ученик Цинсяо-цзун по имени Мин Ю, с которым они разминулись всего несколько дней назад.

Парень так разъярился, что лицо его пошло багровыми пятнами. Напротив него стояла его оппонентка — Юй Жу, ученица Юань Цяньчао.

«Ого, знакомые всё лица!» — хмыкнул про себя Лян Сюань.

— Глядите-ка, кто тут у нас! — язвительно цедила Юй Жу. — Неужели сам молодой господин Мин Ю, который, несмотря на юные годы, не вылезает из борделей Ручья пришедшей луны? Братец, ты адресом не ошибся? Здесь тебе не весёлый квартал.

От злости Мин Ю чуть не задохнулся. Опровергнуть её слова он не мог, а потому поспешил перевести стрелки:

— Да как ты смеешь!.. Секта Сюаньюй давно отреклась от праведного пути! Мы лишь по доброте душевной не стёрли вас с лица земли, а вы смеее заявляться сюда и испытывать наше терпение?!

Юй Жу высокомерно хмыкнула:

— Тайное царство Линьюань открыто для всех. И мы пришли сюда ради сокровищ, а не для того, чтобы тратить время на грызню с праведным сбродом.

— Кого это ты назвала сбродом?! — взвился Мин Ю. — А ну повтори!

— Развратникам и дуракам дважды не повторяю, — отрезала девушка.

Словечко «развратникам» она выделила особым ядом, заставив обернуться учеников из соседних кланов.

Опозоренный юноша густо покраснел. Он уже схватился за эфес, намереваясь обнажить оружие, как вдруг кто-то мягко, но властно положил ладонь поверх его пальцев. Обернувшись, Мин Ю увидел за своей спиной Сиу-цзюня, Цюй Цинъюэ.

Цюй Цинъюэ перевёл взгляд на стоявшего чуть поодаль Юань Цяньчао. Тот, доселе безучастный к перепалке, тоже поднял глаза на прибывшего старейшину.

На мгновение повисло напряжённое молчание. Мин Ю замер в предвкушении грандиозной драки или хотя бы взаимных оскорблений, однако Цюй Цинъюэ внезапно улыбнулся и тепло произнёс:

— Глава Юань. Сколько лет прошло. Надеюсь, вы в добром здравии?

Юань Цяньчао безучастно разглядывал его несколько секунд, после чего едва заметно кивнул в знак приветствия.

Мин Ю лишился дара речи. Где вековая вражда? Где битва не на жизнь, а на смерть? Зачем они обмениваются любезностями?

— В прошлый раз у Ручья пришедшей луны обстоятельства вынудили меня поднять на вас оружие, — вежливо добавил Цюй Цинъюэ. — Надеюсь, вы не держите зла.

Он имел в виду недавнюю стычку, когда Юань Цяньчао едва не пришиб учеников Цинсяо-цзун.

— Пустяки, — сухо отмахнулся тот.

Вновь повисло неловкое молчание.

— А Мастер меча Цзихуа... — наконец нерешительно нарушил тишину Юань Цяньчао. В его голосе промелькнули тщательно скрываемые нотки надежды. — Он не придет?

Цюй Цинъюэ на секунду растерялся, а затем сокрушённо рассмеялся:

— Глава Юань, вы шутите. Откуда мне знать? Я ведь не живу в мыслях у Вэйцы-цзюня.

Не успел Юань Цяньчао ответить, как в разговор бесцеремонно влез раздосадованный Мин Ю:

— А тебе-то какое дело, явится Вэйцы-цзюнь или нет? Сам-то пару дней назад на него с мечом бросался!

Скрестив руки на груди, он недовольно проворчал под нос:

— Проиграл в карты и устроил истерику, а я ещё его уважал... Тот, кто не умеет проигрывать с честью, вообще не имеет права произносить имя почтенного мастера!

<http://bllate.org/book/18178/1749599>